

М.И. Байдуж

Московская высшая школа социальных и экономических наук
просп. Вернадского, 82, Москва, РФ
E-mail: amentie@gmail.com

«ПАРК НА КОСТЯХ»: МИФОЛОГИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В СИБИРСКИХ ГОРОДАХ¹

Анализируются мифологические представления, связанные с парками, построенными на месте старых кладбищ или близко к ним, в современных сибирских городах Тюмени и Таре. Комплекс таких представлений выражается в локальных нарративах и городских практиках, которые транслируются и совершаются жителями этих двух городов и актуальны для сообществ, идентифицирующих себя с этими городами. Исследование основано на материалах интервью с жителями и краеведами Тюмени и Тары, а также анализе местных СМИ. Выделяется ряд наиболее распространенных мотивов, с помощью которых конструируется образ «парка на костях» в мифологическом ландшафте современных сибирских городов. Прежде всего это фольклорный мотив «на месте захоронения нельзя что-то строить», популярность которого во многом основана на влиянии сюжетов фольклорной и массовой культуры на городские тексты и практики. Проявляется и ряд других типичных мотивов: «место притягивает к себе “необычных” людей» (городских маргиналов, маньяков и эксгибиционистов, а также представителей молодежных субкультур) и «место притягивает призраков», а также «место наказывает за неправильное поведение». Последний мотив зачастую сопровождается рефлексивными текстами о причинах наказания и о том, какое именно поведение неправильное. Так, в Таре считается, что неверное отношение к кладбищу, часовне, могильным памятникам и пр. повлияло на судьбу города — позитивная ее оценка (успешный купеческий город) сменилась негативной (маленький депрессивный городок). Кроме того, вариант «неправильного поведения» зависит от субкультуры или сообщества, в которые может входить человек. Феномен создания парков на месте старых кладбищ требует символического освоения городским сообществом и вписывания этих пространств в городской мифологический ландшафт значимых, позитивных и негативных локусов с помощью мотивов, которые потенциально уже содержатся в нарративах.

Ключевые слова: мифоландшафт, локальный нарратив, городской текст, Тюмень, Тара, культурная идентичность.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-162-169

«Настанет конец Света, когда на месте кладбища будет гульбище (народное поверье)» [Лебедев, 1996]. Таким эпиграфом новосибирский поэт объединяет цикл из трех своих стихотворений «В березовом парке культуры и отдыха». Эта строчка очень точно выражает народное отношение к некоторым паркам и бульварам, построенным на месте старых кладбищ или близко к ним.

Культурный ландшафт современного города очень подвижен и многослоен, он включает в себя ряд текстов, представлений, объектов и пространств — реальных или воображаемых. Старые здания, кладбища, публичные пространства (площади, парки, мемориалы) — это те точки, которые в первую очередь наносятся на ментальную карту города и изнутри городского сообщества, и снаружи — гостями, исследователями. Внешнее и резкое изменение прагматики использования какого-либо городского объекта в разные периоды жизни города может стать поводом для появления мифологических нарративов и практик, связанных с ним. Особенно в случае, когда смена функции пространства затрагивает такие сферы человеческой жизни, которые традиционно требуют ритуального, магического регулирования. В современных условиях смерть и общение с умершими предками определенно входят в этот список. Так, многочисленные примеры уничтожения или перестройки пространства старых городских кладбищ в парки культуры и отдыха, городские бульвары или мемориалы достаточно сильно рефлексированы в постсоветском пространстве.

Вероятно, это связано с тем, что с советского времени утрачена «традиционная» регуляция пространства, занятого мертвыми, так как кладбище разрушено. При этом рационализаторский советский подход к использованию бывших «сакральных территорий» уже не является единст-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 16-06-00286) «Мониторинг актуального фольклора: база данных и корпусный анализ».

«Парк на костях»: мифологизация современного городского пространства в сибирских городах...

венно верным: пространство все же связано с умершими — могилы не перенесли, находят кости, «народ помнит» и пр. Это противоречие ведет к тому, что в настоящее время происходит поиск подходящих моделей для осмысления и использования таких мест.

В данной работе пойдет речь о «парках на костях» в двух сибирских городах, Тюмени и Таре. Текутьевский бульвар в Тюмени, примыкающий к одноименному старому кладбищу, построен на части его могил, в связи с чем, по мнению тюменцев, вокруг него происходит много аварий и несчастных случаев. Похожая судьба у Комсомольского парка в Таре провоцирует, по мнению горожан, различные нападения и криминальную обстановку здесь по ночам. В разных городах и различном культурном ландшафте люди транслируют схожие тексты и конструируют одинаковые предписания для предотвращения негативных последствий неверного использования «пространства мертвых». В контексте сказанного будет актуально проследить, какие мифологические тексты и практики возникают в процессе конструирования образа «парка на костях», какие мотивы и сюжеты наиболее продуктивны в этом процессе и как функционирование текстов и практик, основанных на этих мотивах, влияет на складывание мифологического ландшафта и культурной идентичности в разных городах.

Теоретические рамки работы

Исследования городского пространства имеют богатую историю и ведутся в различных направлениях и с разных теоретических позиций. В. Вахштайн предлагает не разделять исследуемый объект — город или исследуемые объекты городского пространства на материальные и нематериальные (в частности, язык и объекты), но относиться к ним равноправно с позиции *радикального плюрализма*: «тот или иной объект приобретает твердость и онтологический статус исключительно в отношениях с другими объектами. Язык больше не надстраивается над миром в качестве его пассивного отражения или, напротив, активного источника изменений, язык — его неотъемлемая часть <...> Теперь любой объект городского пространства — это совокупность элементов “Z”, часть из которых материальны, а часть — нет, но все непосредственно связаны друг с другом» [2015, с. 117].

Такой подход, основанный на социальной топологии, предоставляет хорошую возможность рассмотреть наш материал, где неразделимы представления о пространстве как кладбище и как актуальном парке развлечений или центральной городской улице. Такая *симультанность* восприятия характерна для городских мифологических представлений в целом. Мифологический ландшафт города можно представить как несколько слоев ментальных карт, которые одновременно существуют и наслаиваются друг на друга, но являются прозрачными, создавая единый городской текст не только в абстрактном городском сообществе в целом, но и в голове отдельного человека. Под *мифологическими представлениями* понимается комплекс установок, предписаний, объяснений, затрагивающий символические объяснения реальности и, например, в случае с парками символическую взаимосвязь истории этого места как кладбища с негативными происшествиями с этим пространством как парком в настоящем, что проявляется в различных мифологических нарративах и городских практиках. Процесс появления и создания такой символической взаимосвязи называется *мифологизацией*. При этом мифологические тексты могут быть связаны с конкретными мифологическими персонажами (призраками, полтергейстом и пр.), или же, значительно чаще, речь идет о некоторой рефлексии по поводу «хороших» и «плохих» мест, «энергетике» таких пространств и пр.

Помимо социологической методологии при исследовании мифологического ландшафта города необходимо учесть антропологический подход к изучению *локального текста* и *Placelore*. При этом подходе изучается комплекс городских легенд и представлений о городе или его отдельных точках, а также городских вернакулярных практик с этим связанных: собственно рассказывание легенд, спонтанные и организованные прогулки в наиболее пугающие или, наоборот, позитивно маркированные точки городского пространства, совершение ритуализированных или повторяющихся действий, принятых в таких местах, и т.п. При этом, как отмечает Э. Бёрд, неважно, правдивы или нет локальные легенды и насколько они отражают реальную историю места, важно то, как они конструируют эту историю и как конституируют эстетическое и моральное чувство места (*sense of place*) наряду с чувством собственной культурной идентичности и причастности этому месту [Bird, 2002, с. 544].

Источники

В качестве источниковой базы мы использовали неформализованные устные интервью и формализованные письменные (или онлайн) опросы жителей и краеведов из Тюмени и Тары,

публикации местных СМИ и локальные интернет-ресурсы (форумы, группы в социальных сетях и блогах), а также данные включенного наблюдения и фотофиксации изучаемых пространств. Сбор материалов в Тюмени проходил в 2009–2015 гг., в Таре — в 2013 г.

Выбор этих городов неслучаен. С одной стороны, это сибирские города разного размера и с разной численностью населения, Тюмень — достаточно крупный город и столица значимого региона, Тара — небольшой город на севере Омской области. Но и Тюмень, и Тара — два старых сибирских города, которые были основаны примерно в одно время: в 1586 и 1594 гг. соответственно. Однако их развитие, статус и численность, а также состав населения сильно различаются. Для Тюмени характерно пришлое население, для Тары — старожильческое. Впрочем, в обоих случаях, согласно нарративам местных жителей и публикациям в прессе, прослеживается тенденция — считать свои города «первыми русскими городами в Сибири» и претендовать на одну «сибирскую идентичность»². Таким образом, мы можем сравнить типологически схожие объекты и комплексы нарративов в западно-сибирских городах с разным статусом, численностью населения, но схожим культурным ландшафтом — «сибирским».

От Аптекарского сада до Текутьевского бульвара: тюменские публичные места на месте старых кладбищ

В Тюмени существуют публичные места, которые были созданы на территории старых кладбищ как в досоветское (еще в конце XIX — начале XX в.), так и в советское время. Актуальные мифологические тексты сообщают о целом ряде таких мест — *в Тюмени куда ни плюнь — везде какие-то захоронения. Город, прям, на костях построили* [Lemrika 2007], но мы приведем четыре наиболее популярных примера.

1. Городское кладбище возле Всехсвятской церкви, к которому примыкал Аптекарский сад. Краеведы отмечают, что уже в конце XIX в. на месте кладбища была построена городская больница на средства тюменского мецената А.И. Текутьева [Иваненко, 2008, с. 192]. Кроме того, в том числе по воспоминаниям тюменцев [Карнацевич, 2010, с. 38], известен факт, что здесь лечился Григорий Распутин — достаточно маркированный персонаж и в локальных тюменских текстах, и общероссийском дискурсе. Безусловно, он не мог не появиться в мифологических текстах, которые приобрели литературную законченность и большую популярность благодаря рассказу К. Михайлова о привидении дворника Ефимыча, «обитающем» *на территории, ограниченной улицами Водопроводная, Даудельная, Сургутская, Свердлова, Комсомольская*³ [Lankar, 2007].

Сейчас на этом месте находится гинекологическое отделение 3-й городской больницы, и среди беременных периодически ведутся разговоры, что в этом здании есть привидения и в целом *атмосфера здесь какая-то странная* [Инф. 1]. Подобный дискурс знаком и горожанам, не лежавшим здесь «на сохранении».

Честно скажу — всё не читала. Но одно место (как у приезжей) может его уже и нет... Вызывает дискомфорт.

Надо сказать, что какая-то интуиция у меня присутствует. Если идти с Республики на Осипенко через отель Тюмень. Есть ме[с]то. Я не знаю что там было раньше. До церкви. Какие-то дома (справа) вызывают ужас в крови. Я не могу объяснить... Но что-то там было не хорошее. Зуб даю. Хочу в августе проверить. Потом сообщу. Можете меня за дурочку считать, но точно. Что-то там нехорошее было [Nata Nata, 2007].

2. Могилы расстрелянных солдат возле Спасской церкви. Сейчас в здании храма находятся краеведческие фонды Музейного комплекса им. И.Я. Словцова. Сотрудники, работающие в нем, отмечают, что *замощенное пространство возле церкви и участки с деревьями вполне возможно находятся на захоронениях людей, расстреленных в 20–30е гг. в подвале. Когда здесь находился пересыльный пункт НКВД* [Инф. 2].

3. Детские захоронения под бульваром возле церкви Симеона Богоприимца, бывшего сиропитательного заведения. В этом случае используется тот же мотив (на захоронениях рядом с церковью сделали бульвар), но сюжет развивается дальше — приводятся «доказательства», что это именно так. Во-первых, асфальт никак не удается положить — он постоянно остается мягким и неровным, и, во-вторых, в этом районе можно увидеть призраки неуспокоенных детских душ.

² Хотя в Тюмени коллективная и культурная идентичность не всегда «сибирская» — так, в ряде случаев горожане могут относить себя и к Уралу и «уральской культуре» (см., напр.: [Богомяков, 2007, с. 86–104].

³ Здесь и далее все цитаты приводятся с сохранением оригинальной орфографии и пунктуации.

«Парк на костях»: мифологизация современного городского пространства в сибирских городах...

Слышала легенду о церкви Симеона Богоприимца (около Областной библиотеки). Якобы раньше в этом здании располагалось детское сиропитательное учреждение, а на месте современного тротуара — кладбище при приюте, где хоронили детей. Поэтому на этом участке тротуара очень неровно и плохо лежит асфальт [Инф. 3].

Еще есть одно место мистическое в Тюмени — это на ул. Республики в районе сквера.

Знаете, где церковь стоит старая? там тротуар весь в колдобинах. В Тюмени ни одна, дорожная компания не берется класть там асфальт. Потому что он не ложится ровно :? Давно там был детский дом и умерших ребятишек до года хоронил, где тротуар((((Вот) [МОЛЯ, 2007].

Слышала о духах в областной библиотеке. Говорят, от детского кладбища [Инф. 4].

Впрочем, когда несколько лет назад вместо асфальта положили брусчатку, которая пока выглядит хорошо, рефлексия по поводу детского кладбища прекратилась.

4. Текутьевский бульвар (рис. 1, объект 5), который прилегает к сохранившемуся Текутьевскому кладбищу (рис. 1, объект 2). Кроме того, с другой стороны к кладбищу примыкает Площадь Памяти (рис. 1, объект 4) с мемориальным комплексом, Дворец бракосочетания (ЗАГС), открытый в 2011 г. (рис. 1, объект 3), а также автомобильная дорога по ул. Малыгина (рис. 1, объект 1).

Рис. 1. Расположение объектов возле Текутьевского кладбища, фото Славы Степанова, 2011 г.

С этой частью города связано наибольшее количество мифологических текстов и сюжетов. Так, согласно легендам, бульвар и автомобильная дорога возле кладбища построены на части его могил, как и Площадь Памяти, и новый тюменский Дворец бракосочетания:

Сам помню: где-то в начале 1970х годов проходил в этих местах. Строились гаражи и инженерные коммуникации к корпусу «НИПИКБС» — проектный институт крупноблочного домостроения. Сейчас в этом здании — «Премьер-Дом». Проходя мимо траншеи увидел пожелтевшие и коричневые черепа и кости — по-видимому остатки захоронений. Интересное получилось соседство — ЗАГС и могилы [Негомедзянов, 2013].

Вот это точно мистическое место [дорога по ул. Малыгина возле кладбища], вроде ничего аварии не предвещает, а едут машины и в забор врезаются [Инф. 7].

В 2004 был заново перекопан Текутьевский бульвар. На данный момент бульвар выглядит красиво, по нему приятно пройти, но сам тротуар положен на могилы, наверное, поэтому, гуляя по бульвару, бывает иногда такое, что берет в дрожь <...>, потому что на этом месте захоронены тысячи душ [Инф. 6].

Приведенные тексты иллюстрируют мотив актуальной городской мифологии: на месте захоронения нельзя что-то строить. С одной стороны, это противоречит представлениям о «строи-

тельной жертве» в некоторых, в том числе славянских, культурах, согласно которым строение будет более крепким, если в фундамент замуровать жертву. С другой стороны, в современной массовой культуре (фильмах, литературе, компьютерных играх и городских квестах) крайне популярен сюжет о замурованных в доме или захороненных рядом с домом жертвах, которые «являются» и вредят всем постояльцам и гостям этого места. Это дает большой импульс к поиску похожих пространств рядом, в своем окружении, а городская история, связанная с бульваром и кладбищем, позволяет развить этот сюжет на местном материале.

Кроме этого, популярны мотивы «место притягивает к себе “необычных” людей» (городских маргиналов, маньяков и эксгибиционистов, а также представителей молодежных субкультур) и «место притягивает призраков». Представители субкультуры готовы также рассказывать историю про Женщину в красном — персонаж, который убивает маньяков. Ее встречали на Текутьевском кладбище и в Затюменском парке [Инф. 5]. Однако встреча с мифологическим существом — не самое опасное, что таит в себе кладбище:

Я не считаю, что это плохое место само по себе, просто многие не умеют себя вести на кладбище, беспокоят и проявляют неуважение. Мы видели там несколько раз разные фигуры, но они ничего нам не сделали, а другие просто неправильно себя ведут. Ну и да — это место привлекает разных уже людей. Вот с ними надо быть осторожнее. Маньяки разные [Инф. 5].

В приведенном тексте также интересна рефлексия информанта по поводу причин «гиблости» места — «неправильное поведение». При этом это неправильное поведение не только администрации, которая разбила бульвар и сделала дорогу на месте могил, не перенося их (причина, содержащаяся в большинстве текстов), но и, главным образом, людей, которые «беспокоят» мертвых сегодня, например, шумом и прогулками по ночам — в законное время мертвых и призраков.

Кроме того, Текутьевское кладбище с прилегающими территориями постоянно используется и в визуальных пародиях — локальных интернет-мемах (рис. 2).

Рис. 2. «Параллельная Тюмень» с пальмовой рощей на месте Текутьевского кладбища. Опубликовано в группе «Параллельная Тюмень» 30 января 2013 г.

Почему в основном именно Текутьевский бульвар осмысляется тюменцами в мифологическом ключе? Можно выделить следующие факторы: 1) кладбище сохранилось и имеет статус историко-мемориального памятника — некрополя, на него можно зайти и прогуляться. Кроме того, на его территории находится один из центральных филиалов МУП *Ритуальные услуги*. Таким образом, кладбище продолжает существовать и «действовать», несмотря на то что здесь уже не хоронят; 2) бульвар и кладбище расположены в самом центре Тюмени и объекты, находящиеся на нем (мемориал с Вечным огнем, ЗАГС, да и сам бульвар — вдоль центральной улицы Тюмени), значимы для жизни города, что ведет к постоянному использованию этих пространств; 3) бульвар и Площадь Памяти тесно связаны с местом прогулок и «тусовок» разных групп молодежи,

«Парк на костях»: мифологизация современного городского пространства в сибирских городах...

гостей города и обычных горожан. Например, старина и красота кладбища привлекает готов, сатанистов и представителей других субкультур, связанных с эстетикой смерти; Вечный огонь и мемориал на Площади Памяти — скинхедов; обширная стоянка — молодежь, которая любит ночью «кататься по городу» и общаться, останавливаясь в центральных местах города; Дворец бракосочетания — новобрачных и их гостей, здесь проводятся свадебные и «романтические» фотосессии.

«О чем шумит Тихвинский парк» в Таре?

В г. Тара также циркулируют легенды и былички, посвященные захоронениям, которые были разрушены или забыты, вследствие чего эти места стали опасны. Подобные представления связаны прежде всего с Комсомольским парком на месте Тихвинского кладбища и оврагом, где захоронили казненных участников Тарского бунта 1722 г. — *коловичей*.

Местные историки активно транслируют сюжет о жестоком подавлении тарского бунта и, опираясь на воспоминания старожилов, локализируют захоронение участников бунта у бывшего Калашникова моста в центре современной Тары. Местные жители, обсуждая и рассказывая эту легенду, добавляют и следствие неуспокоенности своих предков — резкое снижение значимости Тары в сибирском регионе и отсутствие какого-то роста и развития и сейчас.

Хоть жертвы бунта и погребены, но сделано это было как-то по-особому. Неизвестно, были ли преданы земле те, чьи останки насаживали на копья и колья. Возможно, их неуспокоенные души до сих пор бродят по улицам Тары, потому и не везет нашему городу на протяжении столетий [Алферов, 2012].

Практика уничтожения символов предшествующей эпохи в раннесоветское время (1920–1940-е гг.) выразилась в уничтожении не только ряда церквей, но и в случае Тары — Тихвинской церкви и кладбища вместе с ней. Сейчас от могил и кладбищенской часовни не осталось видимых следов (рис. 3). Однако многие до сих пор называют парк не Комсомольским, а Тихвинским, в том числе тарский краевед Анатолий Юрьев, озаглавивший свою заметку «О чем шумит Тихвинский парк?» [Юрьев, 2011].

Рис. 3. Дорожки в Тихвинском/Комсомольском парке в г. Тара, лето 2013 г. Фото М.И. Байдуж.

Однако, что интересно, именно в последние годы, как отмечают сотрудники Тарского государственного музея, жители начали массово приносить надгробия в музей — возвращать их из «личного» и неправильного пользования в официальное, государственное учреждение.

О Тихвинском кладбище. Было у нас кладбище тоже, скажем так, недалеко от центра города. Была там церковь на этом кладбище, хоронили купеческие семьи там. Нерпных, например. А в советское время как всегда произошли изменения, это кладбище просто снесли, разровняли, сделали там так называемый Комсомольский парк. Посадили там деревья или они вообще дико-

росы там. И вот в это время, люди, которые строились или жили там, они вот все вот эти надгробные плиты, чугунные, каменные надгробия, они переносили себе, кто-то постилал крыльцо себе, кто-то брал их в основание дома. А сейчас вот 60–70 лет прошло, ну полвека, эти плиты возвращаются к нам в музей. У этих людей перекупают дома и уже люди, которые молодые, которые вот случайным способом перевернули, увидели и читают — это плита надгробная, и вот эти плиты вот попадают к нам. Это вот началось с 2008 года [Инф. 8].

При этом наказание за неправильное отношение к умершим и кладбищу заключается в том, что теперь это «гибкое место», где опасно ходить в одиночку и по ночам, в том числе потому, что оно привлекает разного рода маргиналов.

Ну, по сути весь этот парк он на костях стоит, потому что сравнивали могилы с землей, все памятники сгребли в канаву. А там памятники были шикарнейшие. И получается же, что это кощунство. И легенда может быть такая, что действительно наказания обрушиваются всякие [Инф. 9].

«Парки на костях» как часть городского мифоландшафта и культурной идентичности городского сообщества

Таким образом, в последнее время актуализируется память о старых кладбищах как старых точках памяти (см. пример Тары, «возвращения» надгробий). Если такие точки были полностью или частично забыты и уничтожены, то возникает необходимость их дополнительной мифологизации, что выражается, в частности, в активном воспроизводстве мифологических нарративов, связанных с мотивом мщения несправедно погребенных предков, а также с превращением данного места в проклятое. Это стимулирует не только ряд предписаний к поведению в этих местах, но и спонтанные и организованные прогулки в «опасное пространство» (legend-tripping), которые также должны быть построены согласно определенным правилам (см. отношение субкультуры готов к прогулкам по Текутьевскому кладбищу в описании инф. 5). Наиболее характерные мотивы, которые используются при конструировании образа «парка на костях», дополняются следующими: в данном месте живет призрак, который оберегает место, порой достаточно агрессивно (дворник «Ефимыч»); царит *гнетущая атмосфера/негативная энергетика*; на этом месте ничего нельзя построить (асфальт проваливается, здания разрушаются); такое место — самое удачное для встречи с мифологическим персонажем; место привлекает маргинальных личностей.

Всплеск рефлексии по поводу «парков на костях» в сибирских городах связан со многими факторами: процессы мифологизации и ремифологизации, актуализированные после распада СССР; деятельность локальных СМИ по продуцированию городских легенд и их широкому распространению; работа администрации, которая в поисках «символов города» обращается к разным историческим точкам на городской карте, создавая дополнительное внимание к ним. Кроме того, восприятие «парков на костях» сильно зависит от субкультуры или сообщества, к которым относится конкретный человек.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Алферов С. По следам Тарского бунта // Тарское Прииртышье. № 40. 2012. 3 окт. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.tp-tara.ru/item.asp?id=410>.

МОЛЯ [Сообщение на форуме] // Региональный интернет-портал Nashgorod.ru (Тюмень). 2007. 31 июля. Режим доступа: http://www.nashgorod.ru/autoforum/archive_viewtopic.php?f=1&t=97858&start=50.

Карнацевич С.И. Память прошлого // Лукич вернулся. 2010. № 33. С. 38.

Негомедзянов А. [Запись в сообществе «Старый объектив, или Тюмень сто лет до нашей эры»] // ВКонтакте. 2013. 17 янв. Режим доступа: http://vk.com/album-23696452_175224918?act=comments&z=photo-23696452_296526870%2Falbum-23696452_175224918.

Параллельная Тюмень [Сообщество в соц. сети «ВКонтакте»]. Режим доступа: http://vk.com/parallel_tyumen.

Юрьев А. О чем шумит Тихвинский парк? // Тарское Прииртышье. № 29. 2011. 27 июля [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://tp-tara.ru:5000/default.asp?objType=2&objValue=61475>.

Lankar [Михайлов К.]. Ефимыч // Блог на Lj.rossia.org. 2007. 13 июля. Режим доступа: <http://lj.rossia.org/users/lankar/35547.html>.

Лемпика. [Сообщение на форуме] // Региональный интернет-портал Nashgorod.ru (Тюмень). 2007. 27 июля. Режим доступа: http://www.nashgorod.ru/autoforum/archive_viewtopic.php?f=1&t=97858&start=50.

«Парк на костях»: мифологизация современного городского пространства в сибирских городах...

Nata Nata. [Сообщение на форуме] // Региональный Интернет-портал Nashgorod.ru (Тюмень). 2007. 31 июля. Режим доступа: http://www.nashgorod.ru/autoforum/archive_viewtopic.php?f=1&t=97858&start=50.

Информанты

- Инф. 1 — О.О., жен., рус., 1971 г.р., прожив. в г. Тюмень, высшее, зап. М.И. Байдуж, май 2013.
Инф. 2 — В.М., муж., рус., 1972 г.р., род. и прожив. в г. Тюмень, высшее, зап. М.И. Байдуж, май 2012.
Инф. 3 — 31. Д.Т., русская, 1987 г.р., жен., г. Тюмень, высшее, зап. М.И. Байдуж, сентябрь 2010.
Инф. 4 — Г.М.А., 1993 г.р., жен., немка, род. в Тюмени, зап. Н.А. Лискевич и М.И. Байдуж, ноябрь 2012.
Инф. 5 — Н.В., 1995 г.р., жен., род. и прожив. в г. Тюмень, зап. М.И. Байдуж, 2010.
Инф. 6 — Т.А., 1990 г.р., жен., ненка, род. в с. Самбур, Ямало-Ненецкий АО Тюменской обл., живет в Тюмени, зап. М.И. Байдуж, сентябрь 2010.
Инф. 7 — А.К., 1990 г.р., муж., род. и живет в Тюмени, зап. М.И. Байдуж, 2012.
Инф. 8 — А.И., жен., рус., 1980 г.р., род. в Тарском р-не, проживает в г. Тара, высшее, зап. М.И. Байдуж, июль 2013.
Инф. 9 — М.В., жен., рус., 1969 г.р., род. в Тарском р-не, проживает в г. Тара, зап. М.И. Байдуж, июль 2013.

Литература

- Богомяков В.Г. Региональная идентичность «земли тюменской»: Мифы и дискурс. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2007. 147 с.
Вахштайн В.С. Лейбницевский город: Заметки по топологии // Вторые глазычевские чтения. Город о себе: Языки самоописания. М., 2015. С. 102–121.
Иваненко А.С. Новые прогулки по Тюмени: Путеводитель. Тюмень: Радуга-Т, 2008. 335 с.
Bird E.S. «It makes sense to us»: Cultural identity in local legends of place // *Journ. of Contemporary Ethnography*. 2002. Vol. 31, no. 5. P. 519–547.

M.I. Baiduzh

Moscow School of Social and Economic Sciences
prospect Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation
E-mail: amentie@gmail.com

«PARK ON BONES»: MYTHOLOGIZATION OF MODERN URBAN SPACE IN SIBERIAN CITIES

The article analyzes mythological beliefs about the parks, which are laid out at old cemeteries or very close to them in the Siberian cities of Tyumen and Tara. The complex of such beliefs is presented in the local narratives and urban practices that are transmitted and actualized among the people, who identify themselves with these cities. This research is based on the interviews with local people and regional historians and on the data of local media. The research points out a number of the most common motifs for constructing the image of «the park on bones» in the actual mythological landscape of the Siberian cities. First of all, there is a folk motif of «it is impossible to build something on the place of a burial». Its popularity is mainly based on the influence of images and plots of popular culture on the urban texts and practices. There are some other typical motifs, such as «this place attracts marginal people», «this place attracts some ghosts», and «the place can punish you for misbehaviour». The last motif is often accompanied by some reflections on the causes of punishment and on what kind of behavior is wrong in this special place. For example, Tara people believe that the fate of the city has changed from a positive (a successful merchant town) to a negative (a little depressing town) one, because of impoliteness to the old cemetery. Additionally, the version of «misbehaviour» depends on cultural identity of the person. The phenomenon of creating a park on the site of the old cemeteries requires symbolic understanding by the urban community and inscription of these positive and negative spaces into the urban mythological landscape with the help of the motifs that already potentially appear in the narratives.

Key words: mythological landscape, local narrative, urban text, Tyumen, Tara, cultural identity.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-35-4-162-169

REFERENCES

- Bird E.S., 2002. «It makes sense for us»: Cultural identity in local legends of place. *Journal of contemporary ethnography*, vol. 31, no. 5, pp. 519–547.
Bogomyakov V.G., 2007. *Regional'naya identichnost' «zemli tyumenskoy»: Mify i diskurs* [Regional identity of «Tyumen land»: Myths and discourse], Ekaterinburg: Discourse-Pi, 147 p.
Ivanenko A.S., 2008. *Novye progulki po Tiumeni: Putevoditel'* [New walks in Tyumen: A Guide], Tyumen: Raduga-T, 335 p.
Vakhshtain V.S., 2015. *Leibnitsevskii gorod: Zametki po topologii* [Leibniz city: Notes about topology]. *Vtorye glazychevskie chteniia. Gorod o sebe: lazyki samoopisaniia*, Moscow, pp. 102–121.